

Григорий Холстинников

Братец Кощей

КНИГА 1: НАЙДИ ТО - НЕ ЗНАЮ ЧТО

18+

Григорий Холстинников

Братец Кощей. Книга 1.

Найди то — не знаю что.

<https://litres.ru/73901731>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Найти то — не знаю что» — это не загадка, это приговор.

Йен Роджер — профессионал, который не привык отступать. Тем более, когда на кону контракт, по которому можно получить что угодно. Или бесславно умереть.

Привычное путешествие в Образ встречает расколотым небом, хищным лесом и правилами, в которых выживает тот, кто умеет находить в них ошибки.

Или тот, кто ошибок не знает вовсе. Кто тощ как Кощей, ничего не помнит о себе — но способен сломать камень не силой, а страстью.

Содержание

Часть 1. Бесценный дар	4
Глава 1. Визит Патриарха	4
Глава 2. Расколотое небо	29
Глава 3. Сумеречная зона	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Братец Кощей. Книга 1.

Найди то — не знаю что.

Часть 1. Бесценный дар

Глава 1. Визит Патриарха

— Мистер Роджер, сэр, вам письмо!

Большая, почти в три метра высотой, стеклянная дверь бесшумно закрылась, отрезав ворвавшийся на короткий миг шум большого города снаружи. В просторном фойе, оформленном деревом, металлом и камнем, стояли двое мужчин.

Один из них находился за стойкой ресепшена: крупный добродушный армянин с заметной полнотой и гладким лицом человека в возрасте, сохранившего навык радоваться жизни и не держать зла на кого-либо. Его курчавые тёмные волосы, изрядно побитые сединой, уже начали покидать голову, большие глаза навывкате смотрели внимательно и услужливо, а крупный нос с заметными красными капиллярами выдавал в нём любителя выпить в свободное время. Он был одет в просторную белую хлопковую рубашку, тёмные джинсы и яркие кроссовки, на голове была фирменная фуражка служащего резиденции "Ариэль".

Второй мужчина, только что вошедший с улицы, был высок и плечист. В возрасте немного за сорок, пышущий здоровьем, полный воли и сил. При этом весь его образ, казалось, вмещал в себя кровь многих народностей: изящный греческий нос и тонкие, присущие английским аристократам, губы, по-восточному раскосые карие глаза, смотрящие внимательно и сурово, высокий славянский лоб, угольно-чёрные, как у индуса, с едва заметной проседью волосы, острый волевой подбородок и плавные, почти женские скулы. Одно из тех редких лиц, которые почти не замечаются в толпе, смешиваясь со всеми людьми одновременно. Однако наделённое своей неповторимой индивидуальностью, которое, когда его разглядишь, крепко въедается в память и узнаётся спустя многие годы.

Он был одет в лёгкий светло-бежевый костюм, одинаково хорошо подходящий как для деловых встреч, так и для прогулок по городу. С могучего плеча свисала небольшая сумка, явно пошитая на заказ: она выглядела монолитно, без каких-либо наружных замков, что, по всей видимости, защищало её от любого проникновения.

Между мужчинами на стойке лежал извлечённый конверт: плотная белая бумага, без марок и штампов, на лицевой стороне строгим каллиграфическим почерком выведено имя адресата: “Й. Роджер”. Получатель, впрочем, притрагиваться к конверту не спешил. Вместо этого он поправил сумку на плече и сделал шаг к лифтам.

— Спасибо, Сэм, но я не жду никакой корреспонденции. Должно быть кто-то ошибся.

В ответ на это консьерж занервничал и засуетился, как человек, который может получить взыскание за плохо выполненную работу, которую он обязался делать хорошо.

— Простите, сэр, посмотрите, пожалуйста, внимательнее. Может быть, это вам что-то подскажет.

Сэм перевернул конверт: на обратной стороне, фиксируя клапан, была ярко-красная сургучная печать со сложным орнаментом, в центре которого гордо стояла рельефная «I», что могло значить как букву, так и римскую цифру.

Мистер Роджер сделал шаг назад и внимательно уставился на загадочное послание, всё ещё не спеша брать его в руки. Его взгляд был напряжён, и выдавал большое недоверие происходящему.

— Кто доставил письмо?

— Не могу вам сказать, сэр, — ответил консьерж, слегка дрогнув голосом.

— Как так? Разве не ты его получил?

Армянин немного замялся: было видно, что рассказ о деталях случившегося для него сопряжён с какими-то проблемами.

— Самвел, мне нужно знать, кто доставил конверт, — мистер Роджер в своей фразе сумел сделать акцент на каждом слове, давая понять, что без искомого ответа он к письму не притронется.

— Видите ли, мистер Роджер, сэр, тут такое дело, — спустя небольшую паузу начал консьерж, тщательно подбирая слова, — У нас был сбой в электросети, пропадал свет. Я сначала ждал, что он включится сам, но ничего не происходило. Я связался с диспетчерской, по их инструкции пошёл к электрощитку: проверить, вдруг выбило пробки. В какой-то момент свет включился, правда не уверен, была ли в том моя заслуга. А когда я вернулся назад, конверт уже лежал. И никого, кто мог бы его оставить, я не видел, сэр.

Сэм посмотрел на своего собеседника виноватым взглядом человека, бессильного как-то ещё помочь. Возникла новая пауза, которую никто не спешил заполнять словами или действиями. Наконец, спустя несколько томительных секунд, мистер Роджер протянул руку и аккуратно взял адресованное ему послание. Помял его немного пальцами, поднес к лицу, пытаясь уловить запах, посмотрел на просвет: бумага конверта была плотной и не выдавала своего содержимого.

— А как же записи с камер? Ты их смотрел? — Мистер Роджер снова обратился к консьержу. — Они на отдельной линии электропитания, и не должны были отключаться при сбое.

— Точно! — консьерж хлопнул себя по лбу. — Камеры! Сэр, вы гений! Нет, я не смотрел, давайте сделаем это вместе.

Мистер Роджер прошёл за стойку, а Сэм, сев в кресло, подвинулся к пульту управления с мониторами видеонаблюдения. На двух из них был вид на улицу, ещё на двух была вид-

на стойка ресепшена с разных концов фойе, и смотрящие куда-то под неё двое мужчин: камеры исправно транслировали картинку в реальном времени.

Консьерж склонился над клавиатурой, нажал несколько клавиш, и изображение начало комично двигаться в обратном направлении: вот мистер Роджер кладёт конверт обратно на стойку, Сэм его убирает куда-то внутрь. Вот дверь закрывается, и мистер Роджер, двигаясь спиной вперёд, выходит наружу и исчезает где-то на Бродвее.

Сэм немного ускорил перемотку. Стало видно, как он сидит за своим местом и с кем-то переписывается по телефону, как снимает свою форменную шляпу и надевает красную, в тон кроссовкам, бейсболку с надписью “SAM”. Затем провожает кого-то из постояльцев — седую даму в годах, с маленькой собачкой в руках, — открывая перед ней дверь. Прогоняет зашедшего внутрь коммивояжёра-латиноса, делая страшное лицо и махая руками, пьёт какое-то лекарство, опять сидит на стуле и скучает в телефоне. Встречает кого-то из жильцов — аристократичного вида мужчину с пышными усами, — и помогает ему донести его чемодан до лифта, снова сидит на стуле, что-то читая в телефоне и бурно реагируя жестами в ответ на прочитанное. Таймер исправно мотал время назад.

— Во сколько это было? — нарушил паузу мистер Роджер.

— Около двух часов назад, сэр. Между 3:15 и 3:25. Ещё немного, и мы всё узнаем, — счётчик был на четырёх часах

пополудни.

На записи стало видно, как Сэм крутился вокруг стойки, осматривая пространство рядом и заглядывая по углам, выходил наружу и осматривался по сторонам.

— Вот, это я как раз искал: кто приходил, кого я упустил! — воскликнул в сердцах консьерж. — Я ещё подумал: ну не мог же он далеко уйти, может быть, не дождался меня?

— Сбавь скорость, — вместо ответа скомандовал второй зритель.

Картинка замедлилась. Изображение сменилось на то, как Сэм задумчиво смотрит на письмо, одиноко лежащее на полированном дереве его рабочего места. Потом как он, двигаясь спиной вперед, исчезает где-то в служебных коридорах здания. Несколько ускоренных минут в кадре был пустой холл, с сиротливо лежащим белым конвертом. И вдруг изображение пропало на всех мониторах, оставив только чёрный экран с уведомлением о потере сигнала. Аккурат в районе 3:20 не осталось никаких записей. Вслед за этим видео восстановилось на уже знакомой картинке: консьерж сидит на стуле и что-то читает в своём телефоне.

Сэм оторвал взгляд от мониторов и посмотрел на своего собеседника: в его больших глазах стояли едва заметные слёзы.

— Простите, сэр. Наверное, сбой в электросети коснулся и камер тоже. Я больше не знаю, как могу вам помочь, — искреннее расстройство превратило его речь в лопочущее бор-

мотание. — Мы можем попробовать обратиться к нашим соседям и их камерам на улице, однако, боюсь, без ордера они не покажут нам ничего, кроме среднего пальца. Мне очень жаль, сэр.

Он выглядел растерянно и обескуражено, как человек, который сильно подвёл своё непосредственное начальство, и теперь не знал, как загладить свою вину.

— Всё в порядке, Сэм, твоей вины здесь нет. Ты сделал всё, что смог, — мистер Роджер ободряюще похлопал его по плечу. — Спасибо, за попытку с этим разобраться. И, кстати, классная бейсболка. — Он кивнул в сторону одного из ящиков, откуда торчал красный козырёк.

Консьерж снова виновато улыбнулся, и ответил: “Спасибо, сэр. Я рад был вам помочь. Если что-то смогу узнать больше, обязательно вам сообщу”.

Его собеседник кивнул в ответ, отправил конверт во внутренний карман пиджака и направился к лифтам. Когда двери закрылись и кабина пришла в движение, Сэм достал из кармана платок, снял фуражку и протёр вспотевший лоб. Приведя себя в порядок, он остановил перемотку видеозаписи и вернул дисплеи в нормальный режим. Очень вовремя: к дверям подъехало такси, откуда начали выгружать сумки и чемоданы, и ему следовало выйти и встретить гостей, чем он и занялся.

Лифт остановился на 26-м этаже. Створки кабины тихо открылись, и пассажир, выйдя в просторный коридор, направился к одной из двух дверей, отмеченной литерой «В». Подойдя, он достал портмоне и вынул оттуда тонкую металлическую пластину с едва заметной рельефной фактурой, и плавно погрузил её в тонкую щель у входа. Открылась биометрическая панель в стене, к которой он приложил свою ладонь. Сработала проверка, индикатор мигнул зеленым, и дверь беззвучно отъехала в сторону, пропуская владельца внутрь.

Как только он вошёл, автоматически включилось мягкое освещение вдоль коридоров и стен, а вход закрылся, также не издав ни звука. Сняв обувь, мистер Роджер направился вглубь квартиры. В просторном помещении был только он один, а вся обстановка внутри была одновременно стильной и аскетичной.

Начиная от самого входа, вдоль стен тянулся узор из тонких линий, расходящихся и сходящихся в различных местах: то поднимаясь к потолку, то заворачивая за углы или спускаясь к самому полу. Линии меняли свой оттенок от тёмно-коричневого до светло-серого, создавая иллюзию объёма идвигающихся вдоль них потоков света. Этот узор служил оформлением для предметов интерьера, вписывающихся в изгибы, и создавал пространство вокруг тумб, шкафов, кресел, диванов, картин на стенах. Ощущалась тщательная

и вдумчивая работа над выбором каждой детали.

При этом ничто конкретное не бросалось в глаза, но стоило взгляду задержаться на чём-то, то это казалось самой естественной деталью в общем пространстве. Линии на стенах оживляли помещение, скрывали реальные размеры комнат, превращая присутствие в непрерывный процесс поиска продолжения этого лабиринта, в котором раз за разом открывались новые детали.

Хозяин квартиры прошёл в западную комнату, оказавшуюся кабинетом, убрал сумку в гардеробный шкаф — и вынул из кармана пиджака письмо. Повертев конверт ещё раз в руках, начал рассматривать рисунок на круглой печати. По краю застывшего сургуча шла сложная вязь из сплетённых ветвей и листьев, похожая на цепочку ДНК; из центра, слегка закручиваясь и создавая спираль, шли лёгкие волнистые линии, каждая из которых имела свой изгиб, формируя уникальный неповторяющийся узор.

В середине печати гордо выделялся рельефный символ «I», который мог означать одновременно и «Я», и римскую единицу. Сургуч был свежим: он успел застыть, но ещё не приобрел той хрупкости, которую получает иссохший от времени материал. Мистер Роджер ещё раз прощупал конверт, аккуратно погнув его в разные стороны: внутри лежало что-то плотное, трудносгибаемое.

Наконец он сорвал печать и вынул содержимое. Им оказалась открытка, а точнее —фотография, сделанная в Цен-

тральном парке Нью-Йорка: бегущие по небу лёгкие облака, большой пруд, кусок скалы в воде, нависающие над водой зелёные деревья, за деревьями — несколько башен небоскрёбов и зданий поменьше. Всё освещалось ярким восходящим солнцем, прячущимся где-то за левым краем: было раннее утро, самое начало рассвета. Внизу справа тлели красные цифры, оставленные настройками фотокамеры: 5:40 утра, и дата — завтрашний день.

Мистер Роджер переместился в противоположную часть квартиры — просторную спальню с большими панорамными окнами: его взгляду открывался вид почти на весь остров Манхэттен. И Центральный парк — главный остров зелени в каменных джунглях Нью-Йорка — также находился прямо перед ним, хоть и частично скрывался другими небоскрёбами, рассказывающими свои истории о превосходстве человеческого разума над природой. Он поднёс фотографию на уровень глаз, нашёл и сопоставил здания на ней и ещё несколько минут стоял, вглядываясь в городские детали.

— Итак, есть место и время, — в пустой квартире сказанные вслух слова звучали отчуждённо и странно. — Что же, до встречи, Первый.

Вернувшись в кабинет, он подошёл к столу, на котором аккуратно лежали блокноты, закрытый ноутбук и канцелярские принадлежности, положил на него фотографию и открыл один из ящиков, достав оттуда несколько свёртков и развернув их перед собой.

Содержимым оказались пистолет Beretta, набор снаряжённых магазинов и боевой нож в чехле. Роджер вставил магазин в рукоять, щёлкнул предохранителем, проверил затвор, прицелился. Удостоверившись, что всё в порядке, выполнил ту же процедуру в обратной последовательности, вернув предметы в исходное состояние. Следом взял в руки нож и бережно вынул его из ножен: клинок был отполирован до зеркального блеска и буквально сиял в падающем на него вечернем свете. Он повертел его в ладони, сделал несколько атакующих и защитных движений, и, удовлетворённо кивнув, вернул оружие в футляр. В помещении как будто сразу стало заметно тусклее.

Оставив свёртки разложенными на столе, он опустил непрозрачные жалюзи, закрыв окна, и покинул комнату. Полностью разоблачившись, он сходил в душ и, пройдя обратно в спальню, сел в её центре. Хлопком ладоней погасил свет и застыл в медитативной позе, на несколько часов став живым изваянием: за всё время не издав ни единого звука, не пошевелив ни одним суставом, не дёрнув ни одной мышцей. Затем, как ни в чём не бывало, встал, сделал ряд йоговских асан, замирая в каждой из них на несколько минут, и после лёг спать на низкую широкую кровать, мгновенно провалившись в глубокий сон.

На никогда не спящий город накатывала душная летняя ночь, где огни мегаполиса заменяли собой звёзды. И только растущая луна гордо царила на небосводе, то и дело выгля-

дывая из-за низких облаков.

Рассвет едва только нацелился на верхушки манхэттенских башен, когда мистер Роджер, стоя в гостиной и держа в руках стакан свежесжатого апельсинового сока, вглядывался в просыпающийся город. Улицы были ещё пусты, однако на авеню то и дело проезжали такси, где-то слышались сирены скорой помощи или полиции, кто-то шёл по улице, возвращаясь с ночной смены или же, наоборот, заступая на раннюю вахту. Внизу царил сумрак, но небо уже светлело. До встречи оставалось чуть больше часа.

Допив сок, он поставил пустой стакан на стол, зашёл в кабинет за заблаговременно приготовленными свёртками, вернулся в спальню и, подойдя к гардеробу, погрузился в выбор одежды. Спустя десять минут хозяин квартиры уже был облачён в совершенно повседневный наряд, характерный для большинства местного населения любого возраста и пола: лёгкие светлые джинсы, удобные кожаные мокасины, светлая футболка с абстрактным принтом, изображающим то ли дерево, то ли птицу. Поверх футболки надел оружейный ремень с вложенным в кобуру заряженным пистолетом. Ещё несколько минут ушло на фиксацию на этом ремне ножен с клинком. Затем оружие скрыла лёгкая просторная ветровка, так уместная в утренней свежести.

Проверив, насколько удобно извлекается оружие, он удовлетворенно кивнул своему отражению в зеркале, застегнул молнию на куртке, надел часы и вышел из квартиры. Дверь в квартиру бесшумно закрылась, и, войдя в невидимые пазы, превратилась в сплошной монолит, надёжно запирающий вход. Ещё спустя десяток секунд лифт гостеприимно распахнулся и, впустив пассажира, сомкнул свои створки, чтобы потом мягко отправиться вниз.

Консьержи успели сменить друг друга: теперь на рецепции стоял улыбчивый чернокожий парень, который без лишних слов открыл дверь перед постояльцем и, пожелав хорошего дня, вернулся на место. Времени было достаточно, чтобы пройти пешком, и мистер Роджер уверенным шагом, то и дело сворачивая с авеню на узкие улицы, отправился к зелёному сердцу острова.

Несмотря на раннее утро, в парке уже было относительнолюдно: иногда на тропинках появлялись куда-то бегущие поклонники здорового образа жизни, чтобы в следующую минуту скрыться за густой листвой. Мистер Роджер шёл по пустынным прогулочным дорожкам, полной грудью вдыхая ароматы вековых деревьев и влажной травы. Воздух был прохладен и свеж: город успел немного отдохнуть за ночь, но уже чувствовалась его готовность снова наполниться сотнями тысяч автомобилей и миллионами людей, вечно спешащих по своим нескончаемым делам.

На одной из тропинок он свернул налево и спустя мину-

ту оказался на деревянном мосту. Запустив руку во внутренний карман куртки, он достал оттуда фотографию и выставил её прямо перед собой. Картинка перед глазами была точной копией фотоснимка: солнечные блики на башнях, цвет воды и даже лёгкие контуры облаков стремились совпасть до мелочей, как будто вписываясь в заранее подготовленную для них форму. И хотя непрерывно нарастающая энтропия быстро меняла очертания пространства вокруг, становилось очевидно, что дата на снимке не была ошибкой фотоаппарата: он действительно был сделан в это самое время на этом самом месте.

В тот же миг за его спиной раздался тихий щелчок: словно взвели курок. Реакция Роджера была молниеносной: он практически неуловимым для глаза движением развернулся, одновременно выхватывая пистолет из кобуры. Спустя мгновение дуло оружия упиралось в глаз циклопа — объектив фотоаппарата: плёночную «лейку», только что сделавшую снимок рассветного города. Из-за камеры показалось улыбающееся лицо, явно довольное результатом своих действий.

— Спасибо, что пришёл, охотник, — произнёс незаметно подкравшийся визави, опуская фотокамеру. — Рад видеть, что ты в прекрасной форме. Чудесная реакция! Это тебе скоро понадобится.

На мосту стоял высокий худощавый мужчина, уже шагнувший за порог старости: его лицо и руки были покрыты

сетью неглубоких морщин, и седина серебряной паутиной давно легла на некогда чёрные волосы. Однако несмотря на очевидный возраст, всё в нём выдавало полноту внутренних сил. Его глаза вобрали в себя, казалось, все оттенки, присущие людям, и живую яркую радужку заполняли разноцветные лепестки и прожилки: серые, зелёные, голубые, карие. Но угольно-чёрные центры зрачков смотрели жёстко и пристально, соревнуясь в своей холодности с дулом смотрящего на него пистолета. Он был одет в светло-серый клетчатый костюм и классические дорогие ботинки, а легкомысленно заломленная набок шляпа в тон одежде и слегка расстёгнутая белая рубашка придавали его строгому образу беспечный и моложавый вид.

В левой его руке была изящная металлическая трость, больше похожая на узкий меч, которую он плавно покачивал, уперев в доски пола. На указательный палец правой руки был надет серебряный перстень: на его круглой печатке сплелись, подобно цепочке ДНК, ветви, лозы и листья; от центра растекались волны, создавая иллюзию, будто струится сам металл, а в центре гордо стояла рельефная вертикаль буквы «I». Тот же символ, что запечатывал конверт, доставленный при столь странных обстоятельствах.

Мистер Роджер плавно вернул оружие на место, замер на несколько секунд, а после мягко поклонился всем телом, уважительно произнеся: «Моё почтение, Патриарх. Эта встреча — большая честь для меня».

Мужчина, которого мистер Роджер назвал Патриархом, не отрывая от него взгляда, сделал отстранённый жест рукой: «мол, не стоит, всё в порядке»; однако в его глазах читалось уважение за проявленное почтение. Повисла пауза. Оба мужчины молча стояли напротив, внимательно глядя друг на друга. Тот, которого Патриарх назвал охотником, выглядел скорее настороженно, другой же смотрел с искренним любопытством, оценивая и вглядываясь в детали.

— Хороший клинок, воин, — сказал он неожиданно и протянул открытую, как для рукопожатия, ладонь. — Можно взглянуть поближе?

Мистер Роджер, чуть помедлив, отстегнул ножны с ремня и вложил их в руку своего собеседника. Тот резко ткнул своей тростью, и она послушно замерла вертикально, едва заметно войдя в дерево моста. После чего элегантно извлек нож и начал любовно разглядывать его: полированный металл засверкал в лучах восходящего солнца, бросая собственные искры света на воду, листву, лица.

— Хороший клинок, да. Таким, пожалуй, и меня убить можно, — сказал Патриарх, не отрывая взгляда от сверкающего лезвия. — Где взял?

— Долгая история, — ответил мистер Роджер-Воин-Охотник. И спустя пару секунд добавил: — Трофей.

— Ценная добыча. Не в каждые руки придёт, — сказал Патриарх спустя ещё несколько затянувшихся секунд, ловко вращая нож в пальцах. Затем мгновенно убрал его назад

в ножны, сразу будто выключив освещение и погрузив разгорающийся день в облачные сумерки, и протянул обратно, возвращая хозяину.

Мистер Роджер взял нож, едва коснувшись ладони своего собеседника, вернул его на место и застегнул куртку, скрыв скромный арсенал от посторонних глаз. Открытое ношение оружия не входило в список привилегий для жителей штата, так что требовалось соблюдать определённые меры предосторожности. Мужчина в клетчатом костюме тем временем лёгким движением вернул свою трость обратно в ладонь, и расслабленно стоял, дружелюбно глядя на своего собеседника.

— Чем могу вам служить, Первый? — нарушил очередную паузу Роджер. Голос его звучал гулко и напряжённо, но твёрдо: в каждом произнесённом слове чувствовалась его ответственность за возможные последствия.

Пожилой мужчина не спешил с ответом. Он подошёл к ограждению моста, опёрся на него рукой и начал рассматривать небоскрёбы и лёгкие облака над ними. Его глаза отразили светлое небо и мгновенно потеряли своё многообразие оттенков, впитав в себя эту бледную голубизну без остатка. Город не торопился просыпаться, и царила редкая для мегаполиса тишина. Изредка шуршал шинами случайный автомобиль, проезжавший по Вест-сайду, временно свободному от бесконечных пробок. Тихим эхом откуда-то доносилась сирена экстренной службы, спешившей по вызову. Медлен-

но и тяжело он повернулся к своему собеседнику и сделал глубокий, полный решимости, вдох. Он был похож на человека, не привыкшего просить о помощи, но теперь готового на предельно отчаянный для себя шаг, после которого не будет пути назад.

— Я — Серый. Патриарх, Первый. — впившись цепким взглядом в своего собеседника наконец сказал он, не внося никакой торжественности в свои громкие титулы, но акцентируя неизбежность их произношения, без которых дальнейший разговор не имел бы никакого смысла. — И мне нужны твои услуги, сталкер.

Мистер Роджер, который и бровью не повёл, услышав очередной эпитет в свой адрес, склонил голову и спросил тихо, но твёрдо: “И кто же будет целью?”

Серый в ответ усмехнулся одними уголками губ, и в глазах его пробежала едва заметная грусть. Он смотрел на Сталкера, и одновременно сквозь него: сквозь закрывающие горизонт небоскрёбы, сквозь светлеющее нежное голубо-розовое небо. Взгляд его, казалось, уходил к границам наблюдаемого космоса, а в его чёрных зрачках, почти мгновенно заполнивших собой всю радужку, отразились далёкие звёзды, которым ещё только предстояло занять свои места в справочниках и каталогах познанной вселенной.

— Я... — начал он, затаив дыхание и напрягшись всем телом, тщательно подбирая нужные слова, — я разбит... стёрт... И всё, что мне осталось, — это годы, может быть де-

сятилетия, по местным меркам, пока не истлеют это и другие тела. А после от меня не останется ничего.

В словах Патриарха, странных, сумбурных и малопонятных, не было ни капли грусти, а только сочащаяся решимость, принятие всей проблемы целиком и готовность бороться с неизбежностью до конца. Мистер Роджер внимательно впитывал каждое слово этой, казалось бы, околесицы. Его напряжённый взгляд выдавал бешеную работу мысли, здоровое сомнение в происходящем, и разгорающиеся огоньки азарта от ощущения по-настоящему сложной задачи.

— Но как такое возможно? — спросил он осторожно. — Ведь вы на то и Первые, что есть всегда. Как вас может не стать?

— Это другие — просто есть, — Серый махнул головой куда-то вдаль. — Я — единственный, кто может быть. И кого может не стать.

— Но если вы можете быть, то что мешает вам появиться снова? — произносимые Роджером слова для постороннего человека могли показаться какой-то бессмыслицей, но именно здесь они обретали глубокое, жизненно важное значение.

— Слишком мала вероятность того, что правильные звёзды сойдутся, — Серый покачал головой. — Слишком долго этого ждать — эпохи, эоны. И на это никак нельзя повлиять, Белый и Красный подтвердили. Единственный возможный путь — он вперил взгляд в своего застывшего в напряжённой

позе собеседника — через Образ. И то если сильно повезёт.

Снова повисла пауза. Мистер Роджер переваривал услышанное, а Патриарх не торопился с новыми словами.

— Всегда считал, что Первые не входят в Образ. Вы ведь вне системы отсчёта!

— Не совсем так, — качнув головой, строго начал Серый. — Первые — это часть системы отсчёта, базовый безусловный конструкт. Первые непрерывно формируют суть Образа и являются его неотъемлемой частью: Образ — холст, Первые — краски. Однако, — смягчив интонации, продолжил он, — ты прав: подобной ситуации действительно не случилось. Это будет та ещё рекурсия.

— И что надо сделать? — разговор всё больше переходил в стадию торга.

— А вот этого я не знаю! — Серый широко улыбнулся и, казалось, был готов вот-вот рассмеяться. — Как ты совершенно точно сказал: Первые не входят в Образ. И что ты в нём найдёшь — это загадка даже для меня. У меня нет никаких гарантий, никаких прогнозов. Поэтому я к тебе и обратился.

Сталкер всерьёз задумался и, погружившись в свои мысли, начал ходить туда-сюда. Два шага в одну сторону, мягкий — как вода меняет своё течение — разворот, два шага об-

ратно: от одной ограды маленького моста к другой. Секунды тянулись в такт его шагам, вода искрилась бликами, ласковый ветер шуршал летней листвой. Наконец он остановился — между ним и Патриархом было не больше шага — и предельно отчётливо спросил:

— Какая награда?

Серый доброжелательно, слегка растерянно улыбнулся и, пожав плечами, произнёс: «Любая. Это — открытый контракт. Если вдруг каким-то чудом всё получится, то я, Первый, выполняю любые условия, которые ты назовёшь».

Мистер Роджер напряжённо кивнул: было заметно, что на меньшее он и не рассчитывал. Взгляд его похолодел, дыхание практически остановилось. Он всматривался в стоящего перед ним мужчину, который, подобно джину из лампы, предлагал исполнить любое желание взамен на услугу, которая может стоить им обоим жизни. И понимание этого факта не торопило его с согласием.

— Какие у меня будут полномочия? — упали в рассветную тишину тяжёлые слова, подбираемые с особым старанием.

Вместо ответа Серый запустил правую руку во внутренний карман и извлёк оттуда маленький сверкающий хрустальный флакон. Искры и солнечные блики побежали по полированным граням, а в его сердцевине клубилась мутная смесь, отсвечивающая тёмно-красным на просвет.

— Пропуск? — спросил с сомнением Сталкер.

Патриарх серьёзно кивнул, добавив: «Полный доступ. Никаких ограничений».

Внезапно мистер Роджер отступил на шаг: в его взгляде читалось откровенное недоверие происходящему.

— Серый, ты с ума сошёл: ходить с готовым пропуском? Ладно я, пусть и наёмник, и мне никакого дела нет до ваших разборок. Но ведь есть и те, кто готов выставить не меньшую, чем твоя, цену за это, — он кивнул на зажатый в пальцах пульт. — С некоторыми я, кстати, лично знаком, — добавил он, немного поёжившись.

В ответ на эту тираду Патриарх снова только пожал плечами:

— В моём положении это может быть не такой уж большой разницей. Сгинуть в небытие или быть распотрошённым изнутри — исход по факту один и тот же. Но вот то, что ты, Йен Роджер, — наёмник, которому равным счётом нет никакого дела до этих наших, как ты сказал, разборок, может как раз очень многое в этом раскладе поменять.

И снова тишина попыталась опуститься на дубовый мост, стоящий над искрящимся бликами прудом. А город уже всю просыпался, готовясь выплеснуться людьми на улицу: шумели поезда в метро, где-то шуршали метлами уборщицы, раздавались сердитые гудки автомобилей, прогоняющих с ещё пустых улиц первых пешеходов. Время норовило добавить свидетелей в эту странную встречу. И как будто только из уважения к собравшимся в этом месте личностям не

торопилось лопаться пузырьм туристов и беззаботных горожан, спешащих насладиться летними днями в большом городе.

Мужчины стояли подобно изваяниям: оба напряжённые, изнурённые этим коротким, но очевидно тяжёлым для них обоим разговором. В тех же точках, что и в начале своей встречи, только теперь поменявшись местами. Наконец Йен протянул вперёд открытую ладонь, спросив короткое: «Когда?»

Патриарх подошёл на полшага, не отрывая цепкого взгляда ставших вдруг холодными глаз, и плавно сжал протянутую ему кисть в крепком рукопожатии. Маленький сосуд оказался зажат между двух мужских рук.

— Завтра, в это же время. У тебя ровно сутки на подготовку, — сказал он тихо, затем поднёс левую руку в глазам и посмотрел на часы — с момента их встречи прошло не больше получаса, — и добавил, чуть улыбнувшись: — Впрочем, уже меньше.

— Завтра? День вне времени? — подумав пару секунд, спросил Роджер.

— Именно так, — прозвучал ответ. — К тому же сейчас активен порталный коридор. Поэтому, если собираешься идти на такую глубину, то лучшего момента не отыскать: Бэн не даром дуален Кими.

Мужчины разомкнули руки. В ладони Йена лежал флакон, вызвавший несколько минут назад столько эмоций.

— И вот ещё что, — Серый словно вспомнил упущенный нюанс. — Это тоже тебе, пригодится.

Он опустил руку в левый внутренний карман и долго там что-то искал, точно доставал из самой глубины своего сердца. На протянутой вслед за этим ладони лежал осколок какого-то камня: неизвестный минерал, полупрозрачный, тускло искрящийся в солнечном свете, похожий на замёрзшую во льду каплю серебра.

— Сбереги его, — сказал он Йену, когда тот аккуратно взял кристалл пальцами. — Второго такого тоже уже не найти. Сейчас это — последнее ядро.

Роджер кивнул, пряча полученные предметы под одеждой. Серый тем временем давал последние указания: «Пропуск активируй перед рассветом. Переход будет быстрым, так что подготовься заранее. А я с тобой ещё свяжусь».

— Где в это время будешь ты? — спросил Йен.

— На другом конце света. Есть ряд дел, которые надо суметь сделать, чтобы наш успех зависел не только лишь от тебя.

Йен снова понимающе кивнул и сказал: «Тогда не прощайся». И тем же перетекающим, подобно бегущей воде, движением сделал шаг, другой, третий, покинул мост, ступил на пешеходную дорожку, зашёл за поворот и скрылся из поля зрения. Патриарх ещё несколько минут любовался рассветным городом, затем прошёл дальше в парк и затерялся на запутанных дорожках вокруг пруда.

Мегаполис просыпался, распахивал окна и двери, противрал миллионы заспанных глаз, включал радио и телевизоры, наполняя воздух словами и звуками, запускал двигатели, открывал витрины. Новый день жизни вступал в свои права.

Глава 2. Расколотое небо

Яркое, но уже миновавшее зенит солнце отражалось в вымытых окнах, пылая жёлтым пожаром на высоких башнях большого города. Однако его лучи не проникали сквозь плотные жалюзи, закрывшие панорамные виды из апартаментов под литерой «В» на 26-м этаже одной из стеклянных высоток Бродвея. Впрочем, те же шторы также не выпускали наружу ни одного луча бестеневого матового света, залившего комнаты, изменившиеся самым радикальным образом.

Декоративные узоры на стенах, обрамляющие углы и предметы, скрывали спрятанные от посторонних глаз ниши. Тонкие стыки разошлись, и квартира стала похожа на военный склад. В открывшихся секциях покоилось многочисленное оружие самых разных видов и типов: мечи, копья, винтовки, пистолеты, луки и арбалеты. В одном из слотов лежали пара пулемётов, ручной гранатомёт и портативный зенитно-ракетный комплекс.

Рядом с каждым оружием находились готовые магазины с боеприпасами. Сорванными фруктами лежали в ячейках гранаты: осколочные, слезоточивые, дымовые, светошумовые. Блестели линзы оптики, тускло переливалась сталь инструментов и оснастки. Отдельное пространство занимал обширный гардероб с бронежилетами, комплектами одежды маскировочных цветов, шлемами, визорами и масками, обу-

вью, перчатками, термобельём и гидрокостюмами.

Хозяин квартиры, не сменив одежды, в которой он утром выходил из дома, как в трансе перемещался по своим владениям, переходя из одной комнаты в другую и подолгу оставаясь у каждой из ячеек со смертоносной начинкой. Брал в руки то одно, то другое оружие: прицеливался из винтовок, перекидывал пистолеты между ладонями, проверял оружейные магазины. Взвешивал в руках мечи и топоры, делая атакующие выпады и блокируя невидимые удары, возвращался назад, чтобы проверить сочетание одного с другим. Держа в одной руке клинок, в другой — автомат, он совершал сложные движения, больше похожие на танец, в которых он атаковал поочерёдно то одним оружием, нанося рубящие или колющие удары, то другим, целясь в невидимого противника и едва касаясь спускового крючка заряженного, взведённого и снятого с предохранителя ствола.

Через несколько сосредоточенных часов поисков и сравнений начали появляться первые результаты. В гостиной на большой стол, покрытый плотной тканью, лёг пистолет Desert Eagle калибра 12.7 мм, рядом с которым расположились несколько заполненных магазинов и оружейный ремень с кобурой. Чуть позже к нему присоединился клинок: двуручный прямой цзянь¹. От меча веяло древностью, и самым подходящим местом для него был бы исторический музей, а не этот оружейный склад: явно незаконный, хоть и тщатель-

¹ Традиционный китайский прямой обоюдоострый меч.

но укомплектованный.

Ножны меча были изготовлены из тёмного матового дерева, оформленного резным узором чёрно-белых пересекающихся линий, и украшены в устье серебряной медалью со сложным орнаментом. Рисунок украшения напоминал печать, скреплявшую письмо и украшавшую перстень Патриарха: сплетение ветвей и листьев, водоворот тонких линий, стекающихся в центр, и уже истончившаяся от времени, едва заметная фактура, напоминающая птицу с распростёртыми крыльями.

Йен взял в руки меч и вынул его из ножен. Клинок был в идеальном состоянии: отточен как бритва, и блеск его, походивший на сияние того ножа, казался самодостаточным и идущим изнутри самого оружия. Положив ножны на стол, он взялся за эфес двумя руками, совершил короткий стремительный выпад, после чего продолжил похожее на танец летящее движение, захватив оружие одной рукой, и застыл в конце, прислушиваясь к своим ощущениям. И как будто найдя их недостаточными, вновь двинулся вдоль оружейного ряда, присматриваясь к арсеналу. Беря в руки то один, то другой меч — японскую катану, шотландский клеймор, русский палаш, — он остановил свой выбор на коротком и угрюмом гладиусе², по виду столь же древнем, что и уже выбранный китайский собрат. И в столь же великолепном состоянии, умело скрывающем многовековой возраст.

² Древнеримский короткий обоюдоострый колющий солдатский меч.

Подбросив второй клинок в ладони, Роджер быстрыми текучими движениями проскользил туда-сюда по длинному коридору, очерчивая бритвенными лезвиями сверкающие границы своего перемещения. И, явно оставшись довольным результатом, вынул из ниши ножны для гладиуса — карбоновый чехол, надёжно удерживающий смертоносное жало внутри, — и положил уже оба меча на стол.

Вслед за этим рядом легли связка коротких метательных ножей, пара свёрнутых альпинистских шнуров разной длины, инструментальный набор с разнообразными крюками, креплениями, кольцами и карабинами, поясной ремень с десятком карманов разных размеров и крепёжными узлами. Особое место занял костюм из тусклого, едва заметно бликующего под электрическим светом ламп материала со сложным плетением полимерных волокон. Рядом оказались походные ботинки, тактические перчатки с длинным раструбом, пара наборов термобелья, несколько пар носков и свёрнутые в рулон полотенца. К ним присоединились огниво, набор для заточки и чистки оружия, тактическая аптечка, комплект полевых суперфудов, пара заполненных водой фляг и свёртки двух спальных мешков.

Следом на уже заполненный стол легли знакомый нож, который вызвал столь живой интерес у Патриарха, и выданные им же полупрозрачный искрящийся осколок и хрустальный пузырёк с мутной жидкостью.

На город тем временем плавно опустились сумерки, стре-

мящиеся перейти в ночь. Йен разделся и пошёл в душ, больше похожий на водопад в миниатюре. Тело его было испещрено шрамами, и казалось, что не было такой неприятности, которая бы с ним не случилась: многочисленные порезы и пулевые ранения, следы зубов и когтей, аккуратные швы операций. Он был крепок и мускулист, однако без той гипертрофированности, что характерна для бодибилдеров: это были живые пластичные мышцы, свойственные борцам, боксёрам или скалолазам.

Стоя под горячей водой, он долго и вдумчиво мылся. Массируя и разогревая связки и суставы, тщательно втирал в себя несколько типов ароматных масел, делая процедуру похожей на интимный ритуал. Потом, плавно понизил температуру воды и ещё несколько минут, явно наслаждаясь, стоял под ледяным потоком. Закончив, он насухо обтёрся и, не одеваясь, вернулся обратно к своим приготовлениям.

Сев посреди гостиной, в которой было разложено выбранное обмундирование, он погасил свет и на несколько часов погрузился в глубокую беззвучную медитацию. Ни один звук или блик света не проникал из-за закрытых окон, и комната в высокой башне, казалось, была отрезана от всего мира.

Когда начал приближаться рассвет, Роджер поднялся, заставил жалюзи спрятаться под потолком и открыл окно, впуская в квартиру ускользящие утренние сумерки и прохладный ночной воздух. После вернулся к столу и начал облачаться в приготовленную экипировку.

Влез в тонкое и плотное термобельё и сделал несколько боевых выпадов, больше похожих на йогические асаны, чтобы убедиться, что ничего не стесняет его движений. Поверх надел брюки и обтягивающий жакет костюма, застегнув его по диагонали на набор молний и шнуровок. Ткань одежды меняла свой цвет в плавно нарастающем освещении: совсем тёмная в сумерках, она становилась всё ярче, и свет плавно струился по чешуе сложного плетения плотных пластичных волокон, буквально пряча своего владельца в воздухе, маскируя его пустотой. Плотно завязав ботинки, он прошёлся по квартире, тщательно проверяя удобство каждого шага.

Перекинул через спину и закрепил на груди оружейный ремень. Надел пояс и поместил в его слоты запасные магазины, распределил по карманам альпинистские карабины и крепления. Подойдя к одной из ниш с одеждой, извлёк оттуда рюкзак: полимерный, эргономичный, с усиленной защитой замка и жёсткими ребрами, позволяющими сберечь самое хрупкое содержимое. Вернувшись к столу, начал складывать в него оставшиеся вещи: инструменты, верёвки, еду, запасную одежду и другие принадлежности, забивая внутреннее пространство под завязку.

Горизонт стремительно светлел: всё то же бесконечное небо готовилось родить этому миру новый день в череде непрерывного хоровода планетарной карусели.

В дальнем углу кабинета, по диагонали от входа, у стены стоял низкий деревянный столик, на котором располагалась

медная подставка: изрядно потёртая и местами тронутая зеленоватой патиной. На подставке, под замысловатым украшением в виде нависающих змей, стоял продолговатый, похожий на вытянутое яйцо камень: обычный бурый булыжник, гладкий и отполированный, будто его долго обтачивали на станке. Или же подобрали на речном берегу, а вода самостоятельно потрудилась, создав симметричную со всех сторон форму. Рядом с подставкой лежали чётки, составленные из чёрных фактурных зёрен. Бусины были скреплены между собой тонким витым шнуром золотистого цвета, фигурным узелком отделяя каждое зерно друг от друга, и, сплетаясь через центральную гуру-бусину, оба конца соединялись в небольшую распушённую кисточку, мягкую на вид.

Йен почтительно взял в руки чётки и, с поклоном в сторону камня, надел их на шею, не спеша убирать под одежду. После чего достал из ящика стола кусок плотной ткани и бережно замотал в него снятый с подставки камень.

Спрятав полученный свёрток в поясной карман, он подошёл к одной из ниш, в которой находился пульт управления, и нажал на ряд кнопок: ещё одна из панелей на стене рядом с ним отъехала в сторону, открыв спрятанный сейф с кодовым замком.

Набрав долгую, в пару десятков символов, комбинацию, он открыл бронированную дверь. На полках хранилища лежали россыпь крупных обработанных драгоценных камней, золотые слитки и похожие на медали монеты, пачка паспор-

тов разных стран, десятки упакованных стопок разномастной валюты: евро, фунты, рубли, доллары, юани. Запустил руку внутрь и вынул небольшой мешочек из странного, похожего на карбоновую ткань, материала с герметично запаянным швом. Мешочек был, словно клетка Фарадея, крест-накрест прошит золотого цвета нитями, переходящими в длинный витой шнурок. На секунду-другую плотно он сжал его в руке, затем снял чётки с шеи и сложным узлом примотал их друг к другу, сделав практически одним целым. Полученное украшение снова надел на себя, и спрятал всё под одеждой.

Йен закрыл в сейфе принадлежности с рабочего стола, повернулся к пульту и, введя короткую команду, скрыл панель, снова сделав её неразличимой со стеной. После опять подошёл к столу со сложенным обмундированием, взял хрустальный пузырьёк, полученный от Патриарха, снял плотно сидящий колпачок и в один глоток опрокинул в себя его содержимое.

Отойдя на шаг назад, он замер на одном месте с закрытыми глазами, медленно и глубоко дыша. По его телу побежали мурашки, волоски на коже встали дыбом, однако сам он оставался неподвижным, в то время как его, казалось, било электрическим током. Он открыл глаза — его зрачки были расширены, заполнив собой всю радужку, — и посмотрел на свои руки. Под кожей, проникая в вены и капилляры, струились едва заметные потоки, похожие на те же игры пятен света, что растекались по его костюму, скрывая его от глаз

посторонних наблюдателей.

Эта сеть растекающейся вибрации делала его тело продолжением пространства вокруг, открывая спрятанную от невнимательного взора непрерывную дрожь всего мироздания. Тело сливалось с потоками гравитационных волн, в океане которых плавают планеты, звёзды, галактики и туманности. Тело обнаруживало в себе квантовые колебания на субатомном уровне, где масса начинает выражаться через энергетический заряд, и скорость этих вибраций превращалась в плотность, делая всё материальным.

Йен подошёл к зеркалу и вгляделся в своё отражение: его лицо, и без того вобравшее в себя черты многих народов, превратилось в пластичную маску, в которой собственное отражение становилось видным, только если сосредотачиваешь на нём внимание. И скорее вспоминаешь своё лицо на этом живом отпечатке древнего генома, прошедшего длинный путь выживания и обучения, а сейчас проявляющего себя в сочетании миллионов лиц, когда-то создавших тебя людей.

— Хорошо выглядишь, воин! — внезапно произнесло отражение, принимая образ Патриарха. Всё ещё текучий, но уже с ярко выраженными острыми скулами, греческим носом и тонкими ироничными губами. Только глаза продолжали жить своей жизнью, переливаясь различными оттенками — от светло-голубых до тёмно-карих.

Снаряжённый воин несколько не удивился такому пово-

роту вещей. Он оторвался от созерцания, коротко кивнул в ответ, получив от отражения тот же жест, отошёл на пару шагов и сказал: «Интересные спецэффекты. Что в составе-то?»

— Немного того, немного этого. Всё из натуральных продуктов: древние шаманские рецепты. Ты-то должен знать, — Патриарх в отражении прекрасно жил своей собственной жизнью, и голос его звучал с хрустальным дрожанием зеркального стекла и держащей его рамы. — Сам готовил! Местный климат радует, что позволяет найти все нужные ингредиенты. На иных планетах пришлось бы сложнее.

— А главный компонент?

— Ну конечно же кровь! — Серый хищно оскалился. — Иначе в самое сердце не попасть.

Роджер снова кивнул, оторвался от зеркала и вернулся обратно к снаряжению. Взглянув на полированные поверхности мебели, он поймал в них всё то же отражение своего заказчика, внимательно наблюдавшего за его действиями. Секунду подумав, он подошёл к шкафу, стоящему между распахнутых оружейных ниш, и открыл его дверцы с зеркалами внутри: Первый разделился, отразившись сразу в двух створках. Оба отражения благодарно качнули головой, а Йен вернулся к оставленному на столе инвентарю.

Вынул цзянь: на полированной поверхности отразились глаза Патриарха, которые с нескрываемым изумлением скользили по клинку, рассматривая его как бы изнутри. Вернув меч в ножны, он опустился на колени и ритуальным уз-

лом прикрепил ножны к поясу, проявляя глубокое почтение к совершаемой процедуре. Следом надел куртку из плотного подвижного материала, родственного меняющему свой цвет костюму. Повторно убедился, что ничто не стесняет движений и поместил в один из её внутренних карманов полученный осколок.

Сталкер закрыл рюкзак и зафиксировал на его внутренней стенке второй меч, вогнав узкое лезвие в чёрных полимерных ножнах в подходящего размера слот, сделав предметы одним целым. Проверив удобство конструкции, закинул рюкзак за спину, тут же легко и быстро его сняв и вернув на место. Кобуру с заряженным пистолетом он закрепил на корпусе, спрятав её под правым плечом, и убедился, что ничто не мешает вынуть оружие и вернуть его на место. Нож занял своё место на другой стороне ремня.

— Что за пазухой спрятал? — неожиданно прозвучал двоянный голос, дребезжа стеклом и деревом.

— Свою часть контракта, — ни толику не смутившись, ответил Роджер. — Если всё получится, будешь по нему рассчитывать. — Он кинул ответную улыбку не своим отражениям.

Створки шкафа немного вернулись обратно так, что теперь зеркала частично смотрели друг на друга, и где-то в глубине каждого из них картинка начинала повторяться, снова и снова рождая выглядывающего из дрожащей поверхности Патриарха.

— Когда получится, — прозвучал подчёркнутый ответ, лишённый какой-либо иронии или намёка на шутку. — Какие-либо условности здесь недопустимы.

Металл — калёная сталь — в голосе Патриарха заставил зеркала дрогнуть, и блестящие поверхности треснули десятками осколков. В каждом из них обнаружилось отражающее друг друга множество одинаковых лиц, которые настойчиво собирали себя из миллионов пульсирующих внутри них мужских и женских обликов.

Йен был в полном облачении. Несколько раз присел и подпрыгнул, нанёс связки ударов в воздух, поднял и опустил руки, проверил надёжность всех замков и узлов и остался доволен результатом. Затем вернулся к пульту и ещё одной комбинацией клавиш закрыл ниши, вернув все панели на место и придав квартире её первоначальный вид.

В открытые окна уже светило встающее из-за океана солнце, готовое залить своим светом лежащий под ним город.

В отражении на поверхности оконного стекла друг на друга смотрели двое мужчин. Один — облачённый в оружие и броню воин, чей облик растекался пятнами света, растворяясь в прозрачном утреннем воздухе. Другой — напряжённый сухопарый аристократ в тёмных брюках, лакированных туфлях, белой рубашке и сером жилете, чей контрастный облик

прорывался сквозь голографическую иллюзию стеклянного плена, стремясь выйти из зазеркалья в пустующее перед ним пространство.

Как и ровно сутки назад, когда на дубовом мосту в парке они встречали рассвет, Патриарх и Воин стояли друг напротив друга. Только теперь шаг между ними превратился в бездну, разнесённую высотой, расстоянием и иллюзией. И только солнце было всё тем же, что и вчера, и миллионы лет назад.

— Готов, — твёрдо сказал Роджер.

— Путь открыт! — гроыхнул резонанс со всех сторон.

Патриарх, разделившись на десятки своих копий, окружал Йена на поверхности каждого сегмента панорамного окна, заходил в тыл из отражений в зеркалах и металле комнаты. Зеркальный легион окружал застывшего одиночку, похожего на тающий в воздухе мираж, ускользающего в рассветной дымке из попытки его пленить.

Отражение Серого в стекле истончалось по мере того, как солнце вставало над горизонтом. Рассеивались сумерки, исчезала граница между светом и тьмой, и водопад света обрушивался на планету. Эти потоки выгоняли мглу из самых дальних углов, закрадывались под сомкнутые веки, снова возвращая мир к жизни, в котором каждое живое существо — будь то лев или антилопа — должно, едва встанет солнце, бежать, чтобы выжить.

Квартиру заливало языками белого пламени, которое

сжигало миражные голограммы с полированных поверхностей, яркими бликами закипало на заплетённой ткани костюма и застывало на неподвижной фигуре человека, впуская его в свой поток, как река принимает каплю росы. Делая эту каплю рекой.

— Удачи, воин... — прошептали последние зеркальные образы, растворяясь в самых дальних углах, всё ещё сохранявших способность отражать падающие на них фотоны. Свет заполнил пространство до краёв, сожрав всю тьму без остатка, и засиял ослепительными искрами на стекле и металле.

А потом солнце взорвалось.

Свет превратился в огонь, что не просто сжигал поверхности, по которым бежал разбушевавшимся потоком, а буквально стирал их, разрушая на атомарном уровне, и превращал реакцией сверхвысоких энергий в нечто совсем другое.

Небоскрёб — рукотворная гора — рассыпался смесью стихий: песка и камня, лиан и лавы, воды и льда. Комната с одинокой фигурой воина, облачённого в сияющую броню, ежесекундно разрушалась, и изменяющееся пространство грозило сбросить его в бездну под ногами. Широкое плато то превращалось в сжатый пятачок, то зыбучим песком засасывало Йена в растворяющийся поток густых красок. Или же, обрушившись скалой, оставляло его стоящим на узком лезвии над погибельным обрывом.

Однако гора не переставала быть горой. Мир вообще не

прекращал своего существования ни на секунду, непрерывно сохраняя каждую свою закономерность, причинность и следствие. Не было ничего, что переставало бы быть тем, чем оно уже являлось. И с этим взрывом сверхновой закрутился калейдоскоп, где менялась настройка призм, через которые одно и то же оставалось собой, но получало другую форму, сохраняя в ней свои образ и суть.

В следующий миг всё поглотила пустота. Только Йен, облачённый и оружный, оставался в ней. Его непоколебимая устойчивость, постоянство позы, в которой он несколько мгновений назад заглядывал в тусклые отражения не своего лица, выглядели как свободное падение. То было движение, с которым хищная птица устремляется с высоких небес, желая в доли секунды сократить расстояние до ещё ничего не подозревающей в густой траве жертвы.

Этот полёт в неизвестность им совершался уже не раз. Но знание предстоящего маршрута не означало возможности фривольной прогулки и требовало высшей степени концентрации.

Сначала должен прийти хаос. И хаос пришёл.

Прежде чем он сорвался в крутое пике, окружающую его пустоту начало трясти и раскалывать. Из каждой трещины было переплетёнными в любовных объятиях жаром и холодом, молниями и ледяной водой, экстатическими криками и зловещей тишиной, разъедающей слизью и сухим ветром. Всё это прорывалось наружу, будто нарыв, будто растущая

изнутри опухоль, выворачивающая тело наизнанку.

Эта какофония противоречий давила, угрожала, пугала, заслоняла собой всё, превращая его положение в безвыходное. А значит, надо было принимать собственные меры, чтобы двигаться дальше.

Невесомое тело Йена нашло точку опоры в своей сохранённой неподвижности и оттолкнулось от неё: так оживает каменный монумент, раскалывая монолит своего изваяния. Буря стихий была в живую человеческую плоть, закованную в кажущуюся жидкой броню. Буря грозила пробиться сквозь тонкое кружево сложных керамо-полимерных связей, созданных по самым совершенным технологиям, доступным человеческому разуму. Буря стремилась разорвать прячущееся за ней хрупкое тело на молекулы, стерев в них каждый атом по отдельности.

Человек этому сопротивлялся. Надо было прилагать усилия, чтобы не застывать в испуге и не прятаться от всё нарастающего хаоса. Не избегать его, а искать в нём закономерности, разгадывать его загадку, соглашаться на его условия, принимая всё и сразу, при этом не смешивая их в одну бесформенную массу. Называть вещи своими именами, но не ограничивать их и не удерживать.

Чтобы остановить хаос, в нём должен появиться закон.

Центром кристаллизации становилось его собственное движение. Это не было сопротивлением нарастающему давлению, не было противостоянием силы против силы. То, что

он делал, скорее являлось поиском ошибок в действиях противника. Его движения, требуя максимума концентрации, были практически незаметны и лишь едва смещали его положение. А их целью было, приложив минимум собственных усилий, полностью нивелировать угрозу извне, обратив напиральное давление против источника этой силы.

Движение материи постепенно упорядочивалось, и танцующие энергии начали формировать пространство, разделяясь на однородные потоки, но продолжая нести в себе частичку собственной противоположности. Это оставляло за ними право стать чем-то иным, что всё равно являлось неотъемлемой частью их природы.

Твёрдое постепенно опускалось вниз, становясь камнями и землёй. Лёгкое поднималось вверх, превращаясь в ветер и свет. Всё вещественное оставалось ещё очень зыбким, готовым исчезнуть при первом же чрезмерном усилии: камни рассыпались в песок, стоило только их коснуться; ветер становился бурей, стоило только задержать дыхание. Поэтому следом шёл ещё один шаг, и ещё один, и ещё.

Движение не прекращалось ни на миг. Сам факт его несгибаемого намерения становился той единственной константой, что в этой неопределённости восстанавливала некое подобие порядка. Проявляемое им усилие вносило свои правила, которые становились частью существующих законов мироздания.

Чтобы преступить закон требовалась воля.

Усилие и шаг, напряжение и расслабление, вдох и выдох. Воздух и свет начали острыми лезвиями прорываться сквозь вакуум подобно тому, как прорывает вода треснувшую дамбу. Сначала тонкие струйки проникают сквозь капилляры истончившегося камня, а затем всё нарастающее давление режет сдерживающую гранитную толщу словно бумагу.

Шаг, снова шаг. Дорога возникает под ногами идущего.

Если есть сопротивление, значит надо двигаться ему навстречу. Выдавливая назад тот поршень, что пытается отправить обратно в небытие. И сейчас приходилось сопротивляться целой вселенной, старающейся не впустить в себя чужеродное тело.

Вот уже под ногами появляется твёрдая почва, усыпанная камнями, покрытыми пылью и пеплом. Вот уже ветер стихает, и можно открывать глаза, не боясь ослепнуть в кружащей пыльной буре. Свет вспышками пробивается сквозь щели, и он столь ярок, что после его исчезновения накатывает такая же яркая пронзительная тьма.

Руки, прикрывающие его глаза, казалось, ухватились за плотное одеяло, что закрывает окно в тёмной комнате. И потребовалось усилие, чтобы его сорвать и обнаружить прячущиеся по ту сторону формы и предметы, горы и реки, блики и тени. А затем — плавно опустить ладонь вниз, будто счищая грязь со стекла, открывая себе целый мир.

Стекло оказалось витражным.

Мир не хотел застывать до конца. Почва шла пятнами:

островки зелени смешивались с сугробами снега, которые сметало на песчаные барханы, усыпавшие торчащие обломки скал. В небе сходили с ума светила: луны и звёзды исчезали с небосклона, а пятна ночного космоса и яркого солнечного дня прорастали друг через друга, как лоскуты разноцветного лишайника. Штормы и вихри поднимались и тут же распа-
дались, не набрав силы. Хаос оставался хаосом, хоть и обрёл стабильную форму.

Время замедлялось, движение замирало. Круговорот прорывающихся друг сквозь друга противоположностей сохранялся, но обретал свою закономерность, свою ритмичность. Миры, рвущие друг друга на части, сплетались подобно клубку змей, греющихся в тёплой тьме: никакой агрессии, никакого насилия, только шелест трущихся влажных чешуек, ласкающих одно тело на всех.

Ноги стояли на твёрдой земле, воздух был наполнен запахами, свет разливался вокруг и вырисовывал детали открывшейся фантазмагии: небо было расколото на части. Это было всё ещё одно и то же небо, но каждая часть как будто показывала свой собственный мир.

На одном участке царила непроглядная ночь, и звёзды в рукавах ярких галактик сияли словно драгоценные камни. Но ночь внезапно заканчивалась, и, почти не делая паузы, сплеталась с застывшими розовыми лунами, задёрнутыми низкими облаками. Красные сумерки растворялись в светлых облаках и лазурном небе яркого дня, царящего здесь же,

рядом, но отдельно ото всех. Лоскуты разных сезонов года, времени суток и положений планет в безграничном космосе накладывались друг на друга, не пытаясь вытеснить один другого, но прочно сцепившись в общем хороводе.

Земля была замедленной копией неба: участки сочной травы прорастали сквозь нагромождения расколотых землетрясениями камней, в щелях набился песок, в холодных теньях ещё оставались снежные заносы казалось только что закончившейся бури.

Вокруг не было ни души. Йен стоял на плато небольшой скалы в закрытом ущелье. Он никуда не спешил: созерцал вид вокруг, касался земли и камней, пробовал пыль на вкус, вслушивался в окружающие звуки. Мир жил своей жизнью: шумели колыхающиеся деревья; осыпались мелкие камни, потревоженные ветром, змеями и жуками; взлетали с веток птицы; в лучах света кружилась пыльца растений.

Где-то глубоко внутри планеты вращалось раскалённое ядро, сплав разных металлов и минералов. Микросолнце, что когда-то родилось из запутавшейся в свете разных звёзд пустоты, слипшейся за эоны мгновений в живое здесь и сейчас.

— Эко тебя порвало-то, дядя, — негромко произнёс он вслух, цепким взглядом оценивая открывающиеся ему детали: разорванное на части небо, смешанные друг с другом стихии, запахи, энергии, пространство и время.

Кусок горного хребта, вздыбившийся острыми скалами посреди густого леса, застыл разрезанной на ветру волной, не торопящейся вернуться в океан. Хищно выставив заточенные когти своих гребней, волна цеплялась за разноцветное небо, но оставалась всё ещё слишком низкой, чтобы достать до исчезающих облаков — чтобы процарапать своим обломком ещё один кровоточащий электрическими штормами шрам на лоскутном одеяле, в которое превратился высокий небосвод.

Фрагменты разных миров плавно перетекали друг в друга. Казалось, что в куполе неба прорываются дыры в разные уголки вселенной, и живая ткань мироздания тут же затягивала раны, накладывая танцующими молниями швы, останавливающие растущее кровотоечение. Небо лепило одну яркую заплатку поверх предыдущей. Ему не хватало места для всех, и, зашивая каждый новый лоскут, световая ткань опять где-то рвалась, обнажая старую рану.

Миры за расколотым витражом жили в собственном ритме. Каждый лоскут держался своего места и показывал свойственную ему часть небосвода со своим ходом небесных тел. Каждый участок небосвода соприкасался с фрагментами местности и его обитателей.

Яркое солнце над выжженной пустыней не всходило над тусклым кроваво-красным небом скалистой пустоши с за-

висшими в нём слепыми бельмами нескольких лун. Звёздный каскад, открывающийся с ледяных гор, видимых на самом горизонте, затмевался тёмно-болотной дымкой сочащихся дождём плотных облаков. Миллионы оборотов внутри этого хоровода породили причудливые формы симбиоза всех аспектов разных миров, ежемоментно прорывающих бреши друг в друге — зализывающих свои раны, делающих себя ещё сильнее и дающих себе же достойный отпор.

Лес простирался до самого горизонта. Кроны деревьев конкурировали за свою долю света, стремясь раскинуть листву гуще, выше и шире. Лес рождал тёмно-зелёных, фиолетово-синих, бордово-чёрных древесных гигантов, толкающих друг друга многочисленными руками толстых ветвей, наступающих на пятки мощными корнями и режущих друг друга острыми кромками крупных листьев. Каждое дерево казалось уникальным: своя форма кроны, свой узор коры — где-то немного похожий на соседний, но всегда собственный, полученный в поисках лучших способов бороться за свою жизнь.

Море листвы местами расступалось островками пустоты, скрывающими за собой, возможно, озёра или болота. Кое-где виднелись скалистые обломки или небольшие хребты, сражающиеся с наползающими на них лианами и корнями. Далеко на мутном горизонте скорее угадывались занесённые льдом высокие горы. Калейдоскоп стихий пророс причудливым узором сочетаний противоположностей, где каждый

фрагмент не просто занял своё место, но и продолжал откусывать кусочек соседнего.

Йен подошёл к самому краю и заглянул вниз, оценивая высоту, с которой предстояло спуститься: пара десятков метров были не так страшны, как рассыпанные внизу острые горные обломки. На занимаемом им плато не было ни одного подходящего валуна, за который можно было бы закрепить-ся.

Он снял и открыл рюкзак, достал и развернул набор с инструментами, подготовил одну из бухт верёвки, извлёк перчатки, набор карабинов, альпинистский крюк и спусковой блок, прицепив его на пояс. Убрав всё ненужное, Йен подобрал булыжник поудобнее и начал вбивать металлическое жало в скальную щель. Каменная толща с усилием расходилась перед ещё более твёрдым сплавом и тут же наваливалась на него, удерживая своей массой, не давая выскользнуть.

Каждая крупинка горного камня была натянутой струной, что лопалась с громким звоном, когда её молекулярные связи разрывались под давлением вклинивающегося закалённого острия. Эти взрывы расходились волнами выразительного эха в акустическом зале скального хребта. Звук впитывался деревьями и растворялся в дремотном шелесте тёмной чащи, таящей в себе много быстрой и медленной смерти для каждого из её обитателей.

Равномерные удары камня о металл выбивали ритм звонкой, наглой песни, и эта песня пробуждала лес из дремы.

Несколько крупных тварей взлетели в распоротое на лоскуты небо и начали плавными кругами приближаться к горе. Оставаясь на высоте, с плато они выглядели чёрными точками. Однако в их плавных поворотах угадывались те же движения, какими сближаются линзы в оптическом прицеле, превращая размытое где-то далеко пятно в предельно ясную цель.

Одна из них неожиданно превратила свой плавный полёт в беззвучное пикирование. Тварь быстро увеличивалась в размерах, вытянувшись навстречу свободному падению. За несколько мгновений до удара о землю она распахнула большие кожистые крылья и вытянула увенчанные острыми когтями лапы, готовясь обрушиться всей своей массой на ничего не подозревающую жертву.

Булыжник, только что вбивавший металлический крюк в стену, не успел коснуться земли, выпущенный из руки, которая теперь держала извлечённый из ножен меч. С блестящего клинка сорвалась единственная капля мутной крови, попавшей на него из рассечённой надвое туши. Йен тем же неуловимым движением, которым струя воды меняет своё направление в каменистом ручье, в последний момент сместился на шаг, уйдя с линии атаки. Одновременно с этим скольжением он ударил отточенным лезвием, не встретившим особого сопротивления в чужой плоти. Промажнувшись мимо своей цели, тварь, чавкнув, ударилась о скалу и развалилась на части.

То, что миг назад было грозным хищником в триумфе яростной атаки, превратилось в брызжущие густой кровью две половины большого и мощного тела, разделённого по диагонали. Каждый из кусков всё ещё догонял свою добычу: обрубки крыльев били по камням, когти загребали землю, оставляя глубокие царапины в твёрдой породе, а голова вертелась в поисках добычи. Из её раззинутого длинного клыкастого клюва вырывался яростный крик, быстро переходящий в хрип. Крику не хватало воздуха из лёгких, которые большей своей частью остались в другой половине тела. А та лишь бесцельно скреблась о груды камней, до которой успела доползти: лишённая сигналов центральной нервной системы, часть тела всё ещё помнила самым древним своим рефлексом о необходимости рвать на части любую попавшую в лапы добычу.

Нехватку воздуха тварь компенсировала усилием горловых связок, и её быстро срывающийся в хрипение и бульканье вопль с каждой попыткой становился всё страшнее и безумнее. Этот звук нервной дрожью расходился по вершинам деревьев, с которых теперь во множестве поднимались её собратья, сбиваясь в высокие грозовые тучи. Тучи превращались в шторм, закручиваясь циклоном и готовясь обрушиться смертельным ливнем на скалу, по которой катался в агонии один из стаи.

Роджер ещё раз коротко взмахнул мечом, и затихшая голова с мгновенно стекленеющими глазами откатилась в сто-

рону. Артерия на шее выплюнула несколько сгустков тёмной крови, крыло дёрнулось в последний раз, и рассечённая туша наконец-то успокоилась.

Тогда же из тёмного водоворота висевшей в воздухе стаи сорвалась крупная капля: новый охотник устремился в атаку. Эта тварь летела точно на Йена, ускоряясь с каждой секундой своего направленного падения. Сложенные крылья и вытянутая вперёд хищная голова с чёрным огнём немигающих глаз превратили её в наконечник стрелы, выпущенной из гигантского лука в далёкую крошечную цель.

А потом тварь раскрыла пасть и закричала в полную силу своего могучего нутра. Это был крик, звучащий одновременно на множестве частот, находящихся в том числе за пределами слухового восприятия. Издаваемый вопль разбивался о скалы, дробился в замкнутом пространстве на интерферирующие стоячие волны, давил сводящим с ума шумом, прыгающим от инфра- до ультразвука.

Крик вселял животную панику: в лесу активно зашевелились обитатели, кинувшись врассыпную прочь от пробудившихся скал. Звери бежали, смешиваясь и спутываясь, не разбирая дороги — устремляясь кто куда, лишь бы не слышать его. Только змеи да ящеры, ползающие среди камней, не проявляли никаких чувств по отношению к происходящему, но и не упускали возможности добраться до растерявшейся от страха случайной жертвы.

С каждым миготом сокращения дистанции громкость этого

какофонического шума нарастала. А сам звук набирал плотность и превращался в подобие материи — особую форму жизни, в которой рождались существа, созданные из переплётённых в нём доминирующих смыслов: страха, отчаяния, паники, беспомощности и смерти. Те животные, что не успели вырваться из этого кокона, сотканного накинутой паутиной ужаса, пригнулись к земле, закрыли глаза, и, казалось, забыли, как дышать. Даже когда в их шеи вонзались плоские челюсти хладнокровных рептилий, в чёрных немигающих глазах которых горело подобие страсти от предоставленного им пиршества, то ни одна из жертв не смела бежать с места. Только редкие подёргивания лап выдавали эхо подавленных глубинных рефлексов, всё ещё пытающихся спасти жизнь этого тела.

Йен вернул клинок в ножны и, будто не слыша этого чёрного шума, сделал несколько шагов вперёд, вплотную подойдя к краю плато. Рука хладнокровной змеёй скользнула под куртку и вынула из кобуры заряженный и снятый с предохранителя пистолет, наведя оружие на цель.

С каждым следующим мигом всё больше раздувался казавшийся материальным пузырь цепенеющего ужаса, в котором плотность шума перерастала в собственное световое проявление. Чёрные, красные, фиолетовые вне- и дозвуковые сгустки собирались в дымчатые кляксы, скрывая собой разрезанное на цветные куски небо, и распускались подобно жутким цветкам в любом месте, куда падал взгляд.

Яростный танец искрящихся бликов вырисовывал на кроваво-чёрном колышущемся полотне облики ужасных тварей, от которых не было спасения повстречавшему их. Среди кажущихся хаотичными блужданий форм можно было отыскать образ, способный напугать любое живое существо до полного принятия своей смерти как лучшей участи. Всё это зарождало в разуме мысль, убеждающую сдаться, прекратить жить, добровольно стать необходимой жертвой.

Далее причины и следствия спутались между собой.

Сначала наступила тишина.

Затем голова пикирующей твари разлетелась в клочья, поперхнувшись раскалённой пробкой пули, влетевшей в её расплавленную криком пасть. После чего туша сделала кульбит в воздухе и камнем рухнула вниз.

Тишиной стал сам факт того, что иссяк источник этого жуткого фонтана, прекратив подпитывать звуковые потоки, заплетающиеся в паутину чёрного света.

И только после этого грянул гром и вспыхнуло, разогнав облепившую стрелка темноту, пламя выстрела.

Три разделённых между собой события поменяли привычный порядок, чтобы восстановить нормальность реальности, вернув её в привычное русло.

Звук выстрела — единственная нота музыкального инструмента, созданного блестящим человеческим разумом, — поставил финальный аккорд в этой какофонии. Его эхо победным рыком раскатилось над лесом, заполнив собой

небо и землю. Даже флегматичные до этого рептилии засуетились и устремились в расщелины камней, оставив в покое приходящих в себя животных.

Крик пустынного орла — голос нового хозяина этих мест, заявившего о праве устанавливать свои законы, — ударился в тёмную тучу хищных тварей, кружащих в смертоносном водовороте.

Удар пришёлся точно в цель — словно молот, попавший в самое уязвимое место прочного камня, запуская необратимую реакцию раскола, после которой тот рассыпается в труху. Стая стремительно таяла: её тонкие ручейки оседали мутными каплями — владельцы неба возвращались в свои гнёзда и охотничьи угодья. Никто больше не решился бросить вызов грозному сопернику. Благоразумно оставив его в покое, они поспешили вернуться к насущным заботам или приступить к пиршеству, что успел «приготовить» для них погибший от пули собрат.

Стрелок убрал пистолет в кобуру, вернулся к вбитому крюку и нанёс ещё несколько ударов, доводя работу до конца. Проверив надёжность полученного крепления, он зафиксировал на нём сложенную вдвое верёвку и пропустил её через закреплённый на поясе спусковой механизм. Рюкзак с мечом вернулись за спину, и Йен приступил к спуску. Удерживая себя на весу, он плавными прыжками, огибая торчащие скальные выступы, опустился на твёрдую землю. Ещё несколько секунд ушло на то, чтобы сдёрнуть шнур и до-

ждать его возвращения.

На опустевшем плато остались располовиненная ящероподобная птица, залившая камень кровью; лежащая у самого края стреляная гильза пятидесятого калибра да вбитый в камень блестящий полированным металлом гвоздь с крепёжным кольцом.

Затихшая было мёртвая туша снова начала мелко трестись, однако её движения не были попыткой вернуться угасшей в ней жизни. Её облепляли вылезающие из всех щелей различные жуки, личинки и моллюски, вгрызающиеся легионом челюстей в ещё не успевшее остыть мясо. Безжалостное воинство вливалось в опустошённые сосуды, растворяло кислотами скользких тел камни костей и лианы жил. Падальщики торопились убрать оставленный им мусор, стараясь не оставлять за собой следов.

Нить за нитью рвалась сотканная сеть ужаса, окутавшая скалы и деревья. Каждый её разрыв приносил облегчение. Отпускающая боль превращалась в пьянящий коктейль гормонов и нейромедиаторов, призванных вознаградить сумевшее выжить тело максимальной дозой удовольствия — такого, что способно будет целиком вычеркнуть из памяти эти минуты беспощадного страха, с которым довелось повстречаться.

Животные, придавленные к земле тем яростным криком, приходили в себя. В распахнутых, до этого невидящих глазах загорелся яркий блеск; зрачки начали бешено пульси-

ровать, а тела забились в крупной дрожи. В их суставы и жилы возвращалась жизнь, заставляя подниматься и выталкивая прочь сковавший мышцы паралич. Панический страх сменялся жадой жизни, вплетая в память и чувства образы страстей и ласок, неги и наслаждения. Мысли о готовности к смерти уступали место искрящимся эмоциям, доступным только живым существам, и невозможным вне физического тела.

Те, кто оказался рядом разнополыми парами, не замедлили перейти от чувств к делу. И усеянная трупами поляна внезапно стала сценой начинающейся оргии.

Тем же, кто умирал от потери крови из прокушенных артерий, приходили расслабление и покой. Оцепенение, в котором они ждали своей участи — медленной и мучительной смерти, пока в их головах гремел тот шум, — превратилось во вспышку оргазма, унося их сознание из пульсирующей мраком бездны в сияющий искрами райский простор.

Охотник входил в лес, ныряя в плотный сумрак под сомкнувшимися кронами. Густой воздух, наполненный образами и запахами, облепил его со всех сторон. Костюм будто напился плавно колыхающимся киселём густых оттенков и растворил своего владельца, сделав его подобием ещё одной тени, скользящей по корням и стволам, скрыв его от глаз других хищников, ищущих свою добычу.

Глава 3. Сумеречная зона

Обстановку вокруг трудно было назвать уютной. Противостояние, царившее в небесах, здесь замедлилось до уровня существ, порождая изощрённых химер, растущих под светом пожирающих друг друга миров.

Йен двигался медленно и осторожно, выверяя каждый шаг, который в любой момент мог стать последним. Внимание к деталям было предельным. Лес был не просто опасным — он был хищным.

Растения, животные, насекомые, мхи и лишайники — все вели свою борьбу за выживание, не гнушаясь никакими способами для достижения победы: ставили друг другу ловушки, заключали союзы и падали жертвами предательств.

Корни деревьев жадно вгрызались в землю, впитывая соки и соли из почвы, пропитанной кровью и плотью существ, живущих и умирающих здесь. Деревья медленно прирастали сочным нутром, готовясь к жизни на тысячелетия. Они облекали себя твёрдой кожей коры, защищая сердцевину от желающих прогрызть в ней дыры. Некоторые стволы сохраняли твёрдость и холодность камня: казалось, растения питались не столько разлагающейся органикой, сколько тянули минералы и металлы из самых глубин. Другие деревья будто понимали: чтобы что-то получить, надо что-то отдать. Их ветви истекали тонкими струйками ароматной смолы, привлекая

насекомых и мелких падальщиков, спешащих на запах пролитой древесной крови. А потом прельстившиеся сладким угощением гости застывали в липкой слизи, сами становясь пищей для плотоядного многорукого гиганта.

Плотные кустарники нередко селились прямо на корнях, вытягивая соки из приютивших их хозяев. Кто-то паразитировал незаметно, постепенно становясь естественной частью общего биома. Кто-то выполнял полезную функцию для кормильца, заманивая пищу или защищая от угроз.

Каждый куст был сам себе алхимической лабораторией, создавая из поглощаемых ингредиентов свою собственную броню и новое оружие. Аминокислоты и ферменты расщепляли захватываемые фрагменты ДНК и извлекали информацию о слабостях и достоинствах своих жертв. В результате возникали целые растительные колонии, живущие в хищном симбиозе и стремящиеся расширить зону влияния. При этом каждый непрерывно искал уязвимости в защите союзника или противника, делая его тем самым ещё сильнее.

Растения поменьше нередко имитировали поведение летающих насекомых и ползающих гадов, создавая иллюзию совместной охоты, в которой найдётся место и другим. И те, кто искал компании, ещё не разобравшись, что выживает лишь рассчитывающий на себя, попадали в ловушку хитрого обмана и находили в ней своё последнее пристанище. Другие представители хищной флоры старались оставаться незамеченными, безболезненно впиваясь в ничего не подозреваю-

щую жертву. Зачастую они использовали её для собственно-го перемещения на новые территории, постепенно прорастая в занятом ими нутре и готовясь в своё время выйти из животного, ставшего яйцом, которое обязательно будет разбито.

Лишайники и грибы по-своему боролись со всеядными беспозвоночными. Кто-то находил способы защиты в сильнейших ядах и токсинах. Другие обрастали прозрачным игольчатым панцирем, на который нанизывались не замечавшие его суетные букашки и улитки. Третьи привлекали сладким сиропом, оказывавшимся на поверку разъедающей кислотой.

Почва под ногами была холодной и влажной, а опоры вокруг были не только ненадёжными, но ещё и опасными. Несколько раз Йен терял равновесие, и только та защита, которую он предусмотрительно на себя надел, спасала его от смертельных порезов или химических ожогов.

Предметы, созданные людьми для достижения превосходства в агрессивной среде, работали надёжно и безотказно: ботинки держали на скользкой поверхности, одежда защищала от посторонних взглядов и мелких опасностей — царапин и укусов. Интуиция охотника спасала его от откровенных глупостей: не соваться в густые заросли, искать обходные, более безопасные пути, избегать закрытых пространств и полагаться на все имеющиеся чувства.

Там, где не помогали глаза, безопасный ход мог подска-

зять нюх. В густом воздухе, пропитанном аммиачными парами разложения, сладкими ароматами приманок и дурманящими запахами цветения, вдруг находила своё движение струя свежего воздуха. Этот поток вёл туда, где были свобода и простор. Этот поток создавал цель, которой можно следовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.